

Уровень развития исторических знаний в России второй половины XVII в. и предназначение книги для широкого круга читателей определили выбор необходимого руководства.

Если автор «Синописа» имел в качестве путеводителя по русской истории Стрыйковского, или, говоря образно, если по правую руку у него неизменно лежала «Хроника» польского автора, то по левую руку у него с такой же постоянностью находились русские летописи. Автор использовал «многие летописцы русские». ²⁹ Ссылки на русские летописи, которые встречаются постоянно, даны в нескольких видах. Например, мало определенные ссылки, которые приводятся на полях и в тексте: «летописцы русские», «в Рос. летописи», «русс. летоп.» и т. д., ³⁰ или более определенные указанием на древность: «древние летописцы», «писанные древние летописцы русские», «в русских древних летописцах», «в древних харатейных летописцах русских» и т. д. ³¹ Как видно, автор «Синописа», отличая древние летописи, придавал им большую историческую ценность по сравнению с новыми. «Древние и достоверные летописцы», ³² писал он, ставя знак равенства между ними, утверждая тем самым достоверность древних источников. Это, разумеется, всецело отвечало представлениям эпохи. Древность летописи сама по себе считалась единственным и надежным критерием достоверности вплоть до XIX в. включительно. Автор «Синописа» особо выделяет летопись Нестора, имени которого, кстати, Стрыйковский не знал. ³³ Нестора «Синописис» величает «летописцем Российским», а его труд — «летописью российской», полагая, что Нестор «изряднее свидетельствует», чем многие летописцы. ³⁴

Из русских летописных источников наибольшее значение для «Синописа» имела Густынская летопись. Именно она лежала «по левую руку» от ее автора, как «Хроника» Скрийковского — «по правую». Сравнивая эту летопись с первой печатной книгой по русской истории, приходим к некоторым наблюдениям и выводам. Ее автор широко использовал список Густынской летописи, известный под шифром Арх. VIII, ³⁵ или не дошедший до нас протограф Густынской летописи. Последнее предположение, быть может, более вероятно, так как летопись была составлена примерно в середине XVII в., а дошла до нас в списке 1670 г. ³⁶ Что основной текст «Синописа» и Густынской летописи сложился в середине XVII столетия свидетельствует одна характерная подробность. Нам уже приходилось отмечать предрасположение «Синописа» к личности «благочестивого» Адама Киселя, с воеводства которого, в представлении автора «Синописа», началось «возрождение Киева». Такое же подобострастное отношение к мастеру соглашательства и политики национальной измены мы находим и в Густынской летописи. В рассказе об осаде Белгорода печенегами автор Густынской летописи счел нужным дополнить его генеалогическими разысканиями о роде крупных украинских феодалов Киселей. Под его пером безымянный старец Повести временных лет превратился в потомка Свенельда и за свою

²⁹ Там же, стр. 20, 198 и др.

³⁰ Там же, стр. 16, 93, 96, 98, 99, 191 и др.

³¹ «Синописис», стр. 20, 88, 117, 122, 124, 127, 189, 197 и др.

³² Там же, стр. 16, 93, 96, 98, 99, 191 и др.

³³ Стрыйковский, стр. 115, где «старый летописец», а в «Синописисе», стр. 27, — Нестор.

³⁴ «Синописис», стр. 7, 20, 27.

³⁵ ПСРА, т. 1. СПб., 1843, стр. 232. Об этом свидетельствует совпадение некоторых чтений «Синописа» со списком Густынской летописи. Например, в А, как и в книге, читается «от Роска» (стр. 236 и 11 соответственно); только в А читается имя патриарха Константинопольского — Георгий (стр. 346), как и в «Синописисе» (стр. 194).

³⁶ ПСРА, т. I, стр. 232—233.